

Аргументация Немесия будет играть существенную роль в средние века. В сочетании с аргументами Макробия, Авиценны других философов, прикрываемая, кстати; авторитетом св. Григория Нисского (Nyssenus вместо Nemesius), она будет популярна у августинцев, которых привлечет своей платоновской ориентацией, в их концепции со сторонниками аристотелевской концепции человека, определяемого как субстанциальное единство души и тела. Умонастороение, пронизывающее тексты Немесия* станет одной из самых стойких преград, на которые натолкнется томистская реформа и которую она так и не преодолеет окончательно. Всегда были и, скорее всего, всегда будут умы, считающие платонизм христиане-кой по своей природе философией, а аристотелизм — типично языческой.

Тем не менее платоновскую тенденцию умах христианских мыслителей постоянно сдерживала вера в учение о телесном воскресении. Дефиниция души как самодостаточной субстанции облегчала доказательство ее бессмертия, что было гораздо труднее для тех, кто, определив душу как форму тела, должен был объяснить, почему она не погибает вместе с телом, чьей формой она является. Напротив, дефиниция души как формы тела облегчала понимание того, почему однажды Бог сможет воскресить тело, форма которого ее душа и без которого она не может быть в той мере тем, что она есть. Сторонники концепции души-формы должны, следовательно, озаботиться доказательством того, как, будучи формой, она есть также субстанция; а сторонники концепции души-субстанции должны объяснить, как, будучи самодостаточной субстанцией, она может исполнять роль формы. Для первых наибольшее затруднение связано с объяснением, как может душа существовать вне тела после его смерти в ожидании воскресения; для вторых трудности возникают в связи с объяснением,

57 4. От каппадокийцев до Феодорита

может образовать единство сочетание двух субстанций, из которых по крайней мере одна — самодостаточна.

Это именно та проблема, которую ставит Немесий: если душа — самодостаточная субстанция, то как возможно ее единство с телом? Он пишет: «Платон не желает, чтобы живое существо состояло из души и тела, он желает, чтобы оно было душой, которая пользуется телом, словно одеждой. Но здесь есть одна несообразность: как душа может составлять с телом одно целое? Non enim est unum vestis cum vestito: одежда не составляет одного целого с тем, кто ее носит». Невозможно лучше сформулировать это возражение. Чтобы его снять, Немесий обращается к Аммоню Саккасу, didascalus Plotini*, и через него — к самому Плотину. Умопостигаемые вещи обладают такой природой, что могут соединяться с телами, способными их принять, и тем не менее остаться отличными от них, «ut unita maneant inconfusa et incorrupta, ut adjacentia»**. Применительно к телу единство всегда означает смешение: элементы исчезают в соединениях, пища становится кровью, которая питает плоть. Напротив, умопостигаемая субстанция может существовать только как таковая, либо же прекратить существование. Таким образом, проблема единства души и тела не является неразрешимой. Мы знаем, что душа едина с телом, так как она воспринимает происходящие в нем изменения, «quod autem uniat, compassio demonstrat»***. Одновременно мы убеждены, что она не смешивается с ним, потому что может стать независимой от тела во время сна или экстаза, а также потому, что она бессмертна. Допустить, что душа соединяется с телом по типу умопостигаемых субстанций, то есть не изменяясь.